

АЛЛА ЛИПНИЦКАЯ

**И СВЕТ
У КАЖДОГО ЛИЦА**

Иерусалим

ЛИРА

2011

УДК 821
ББК 84.6
Л61

*Особая благодарность за поддержку проекта
Роману Бронфману*

*Вступительная статья
Т. Борисовой*

*Редактор — Тамара Борисова
Дизайн и верстка — Роман Галкин*

Липницкая, Алла Борисовна.
Л61 И свет у каждого лица. Сборник стихотворений / Алла
Липницкая. — Иерусалим : Лира, 2011. — 88 с. : ил.

ISBN 978-865-7088-85-2

Алла Липницкая — художник и поэт. Автор четырех
поэтических сборников, вышедших в свет в Украине и России.
Пятую книгу Алла издает в Израиле.

**УДК 821
ББК 84.6**

ISBN 978-865-7088-85-2

© Алла Липницкая, 2011
© Тамара Борисова, вступ. статья, 2011
© Издательство «Лира», издание, 2011

*Всё, что ушло, приобретает облик мифа:
И волосы, уложенные лихо,
По зыбкой моде тех далеких лет,
Прохожих перепутанные лица,
Родных и близких групповой портрет.
И на тропе заснеженной волчица,
И глаз ее голодных лунный свет.*

*И собственное тело молодое, —
Под занавес распущенных волос, —
Голодное, проворное, живое,
В снегу, в воде, в земле отцветших роз.*

*А главное — такая очередность
Поспешно перевернутых страниц,
Что даже сумасшедший этот блиц
Лишь выявляет памяти надежность.*

*Хотя, конечно, память опускает
Детали, и остановки — перевес в транзит,
Какой-то опус просто в лету канет,
Молвою миф какой-то исказит.*

10 октября 2010

ПРЯМО РАЯ

Виде Адам ангела изринувши и затворивши божественного сада дверь, воздохну вельми, седе же прямо рая и свою наготу рыдая плакаше: «Увы мне, прелестью лукавою увещанию бывшу и украдену и славы удалену! Увы мне, простотою нагу, ныне же недоуменну! Но о рая, ктому твоея сладости не наслажуся...

Творцы бывают первичные и вторичные.

При этом в слове «вторичный» нет негативного оттенка: просто материалом для вторичного творца (в отличие от первичного, работающего непосредственно с «плотью мира») являются культура и литература, то есть чужие тексты, им впитанные, переработанные, творчески переосмысленные и «освоенные».

Различить эти два типа творцов очень легко: при чтении вторичных (среди которых есть и большие поэты: понятия «гений» и «первичный творец» — не «взаимопокрывающие», масштаб личности и таланта может быть разным, гений может быть вторичным творцом, и наоборот) видишь культурные слои и пласты, приемы и блестящие пассажи, яркие, свежие, острые образы, неологизмы, небывалые тропы... «мастерскую писателя», «жреческий храм», трибуну, башню из слоновой кости и из черного дерева, рабочий кабинет или библиотеку...

При чтении первотворца ничего этого не замечаешь — настолько из его текстов буквально выпирает живая плоть мира — запахи и цвета, звуки и ощущения, — шуршит песок, пружинит глина, переворачивается жирными пластами земля, «спокойно дышат груди» морей и рек, перемещаются массы воды и воздуха, веют ветры...

Первичных творцов — чрезвычайно мало, они пишут «сразу предметами», как свифтовские мудрецы, носившие в заплечных мешках все необходимые для беседы вещи, — почти минуя «литературу», напрямую работая с «материей».

Между словом и миром у них — нет посредника, связь не тройная: слово=культура=предмет, а двойная: слово=предмет.

Алла Липницкая — первичный творец.

Как некогда Адам, художник-первотворец дает имена вещам — впервые. Еще никто не называл предметов, они безымянны, имеют лишь звук или цвет, аромат или вес, теплоту или шероховатость, остроту или вкус:

...Помню кушаний свежеприправленных
Новизну в недрах старого дома,
Чую запах таинственный брома
Из запасов лекарственных маминых.
Не могу перечислить и малости
Всех травинков, улыбок и запахов,

Клавиш стертых и встроенных клапанов,
Всех буфетов и книжек растрепанных,
Тьму альбомов, роскошных картин...
(«Я тоскую по Грише Островскому...»)

Самые абстрактные понятия одеты в плоть — они осязаемы, ощущаемы, ощупываемы, слышимы и зримы:

Сыпучесть отсыпана с горкой,
Текучесть сполна налита.
И рана, покрытая коркой,
Давно никому не видна.

Живительна живость живого,
Смертельна сырая тоска.
И мощной корзиной улова
Порог отделен от песка.

Раскроется слабость соцветий
Под пыткой стеклянной ума.
И сильный порывистый ветер
Себя исчерпает до дна.
(«Ветреный день»)

Всё произрастает, имеет корни, переплетаясь и перевоплощаясь:

Я иду то прямо, то по кругу,
Никому по ходу не служу;
Просто в мою пишущую руку
Всё, что есть во мне, переложу.

Заберусь в лесистые слова,
Отдохну на обреченных точках —
Разнесет небесная молва
Жизнь мою, как птичьи крылья, в клочья.

Клочья превратятся в облака,
Что прольются над землей любимой,
И цветущей пальмой или сливой
Станет моя правая рука.
(«Я иду то прямо, то по кругу...»)

Всё дышит, ветвится, карабкается, бегает и живет, взаимноотражаясь и пристально всматриваясь в иную форму жизни — в поисках сходства:

«Взбираются цветы, как акробаты, / Как ящерицы, по уступам гор», а «горы раздулись, как дыни», а «Махаон — это жизнь и бессмертье, / Превращенье из крылышек-крапинок — в кожу, / А из кожи — в цветок под названием бессмертник», а «Луч солнца ручной и прыгучий, как белка, / А солнце само — как желанный орех. / Цветочных часов разноцветная стрелка / Равно и светло указывает на всех»:

Из недр кустов
Рождается баллада.
Надежность слов —
Из их живого взгляда.
И светлый тон небес
В нагромождение ветвей пролез.
Тепло и нереально
Каплет дождик.
И, отпуская вожжи
Времени, по коже
Мороз огромной жизни пробежал.
А ближний куст на цыпочки привстал,
Чтоб дотянуться до меня и рассмотреть,
Легко ль мне жить, самой кусту на треть.
(«Из недр кустов...»)

Рай не утрачен, он осязаем и плотен, растителен и не затворен:

Я даже не знала, что рай — он в лесу,
Так близко — и рай расположен у Цфата.
И что, как попытка прожить на весу,
Дорога бежит мимо рая покато.

Весь рай — это сосны, склоненные вверх,
Ползучие травы — большие участки,
И полностью сверху отпущенный грех,
И только друг к другу растений участие.

Такая сквозная, совместная связь,
И свет так упорен, кусты огибая,
Что можно нырнуть в него, тоже светясь,
У Цфата, у врат незатворенных рая.

Он воплощен — закреплен в памяти, «дан в ощущениях», в этих непрерывных переходах всего во всё, в буквальном смысле слова пере-во-площениях — переходах из плоти в плоть, — пере-катываемых на языке, пере-ворачиваемых пальцами, перелистываемых (бумажно-произрастающих), пере-путываемых

и пере-живаемых (пере-ливаемых из жизни в жизнь: из разных «прекрасно-несовместимых», но чудесно совмещаемых мгновений, пространств, отечеств, эпох, форм и тел):

Прошу, войди в забытый дом,
В тот дом, душистый, сочный, свежий,
Большой, как ком цветочно-снежный,
Разрезанный впотьмах ножом.
Ножом из памяти стальной,
Как нержавейка, беспристрастной,
С дразнящим злом в разрезе красном
Вишневым вкусом жизни той.
Ты там отыщешь по углам
Проекции от глаз открытых
И множество, плещом увитых,
Из прошлых жизней телеграмм.
Возьми их в руки и читай,
Там, где обрывки слов и листьев,
Где память переходит в рай,
Где дом и сад живут, как мысли.
И слезы, как плоды, повисли.
(«Прошу, войди в забытый дом...»)

Дом и сад — как локус и проекция рая-мира, форма его произрастания. А еще — небеса:

А еще — небеса. И деревьев толпа,
И песка беззаботного целая куча.
Птицы песни поют, ну почти что у лба, —
Мир, который влюбленности больше и лучше.

Небеса, деревья, птицы — мир у самого лба, точка перехода «памяти в рай» — неуловима, ни малейшего шва или зазора между миром и словом: слово равно памяти, память равна любви, любовь равна миру, мир равен слову, а слово — миру:

Светятся стрелки конкретных минут:
Песня звучит, и деревья растут,
Дети, играя, сбивают коленки,
Дерзко ползет, извиваясь по стенке,
Ящериц двух безрассудный детеныш, —
Разве увидишь всё, разве упомнишь?
Слово мое — это только попытка
Быть, как они, и всеядной, и приткой:
С ходу учуять свободу движенья,
Общего замысла дать отраженье,
Расположиться в намеченной нише,
В заданном месте, не ниже, не выше.

Простая арифметика, простая геометрия, простая алгебра
с гармонией — всё, что снаружи, равно тому, что внутри,
и наоборот:

Сначала казалось: у берега птицы,
Потом показалось — невинные крысы,
А как оказалось — бесстрашные крабы...
За нами — кафе, рестораны и пабы,
А перед — чуть звездные темные выси,
И море, и море шумящее длится.
<...>

А морю не важно, кто будет здесь в будни,
Не важно ни время, ни место, ни дата.
Уютно и страшно! И сердце, как ходики,
Внутри отмеряет, что видит снаружи.
...Полоску, где крабов спешат луноходики,
Вода заливают, то шире, то уже.
(«Сначала казалось: у берега птицы...»)

И вся райская сладость мира — *но о раю, ктому твоея сладости
не наслаждуся* — испробована, явлена в слове, преизбыточно
дрожит на языке и в языке.

Подлинная поэзия — *мироточива*.

Древнерусское слово «прямо» означало «напротив»:
изгнанный из божественного сада Адам плакал у его
затворенных ворот, обратив свои взоры на утраченный рай.

Алла Липницкая носит весь свой рай с собой — точнее,
в себе: не в заплечной даже котомке — в сердечной сумке, не
расплескав ни капли, не забыв ни малейшей малости. И размеры
его точно совпадают с контурами любящего и памятливого
сердца: не шире, не уже мира, не в стороне от него — прямо
рая, в его центре: не ниже, не выше.

Тамара Борисова

И СВЕТ У КАЖДОГО ЛИЦА

СОДЕРЖАНИЕ

«Всё, что ушло, приобретает облик мифа...»	3
<i>Тамара Борисова. Прямо рая</i>	4
«Полтона ниже — и еще не вижу...»	10
ДВУХ ОТЕЧЕСТВ И БОЛЬШЕ	
ПРЕКРАСНАЯ НЕСОВМЕСТИМОСТЬ	
«Год предыдущий мне принес...»	12
«Всё, о чем плачу и над чем смеюсь...»	13
«Прошу, войди в забытый дом...»	14
«Море пышное, как пион...»	15
«Шум на лугу...»	16
«Это мог быть чертеж...»	18
«Из недр кустов...»	19
«Небо — другое, как мягкий лоскут...»	20
«Не беспокойся обо мне!..»	21
«Из прошлого, как взрыв иллюминаций...»	22
«Из меек, из блошек, из всяких букашек...»	23
«Я тоскую по Грише Островскому...»	24
«Переписать историю с утра...»	25
«Что самое вкусное на земле?...»	26
«Прости меня! За то, что я ушла...»	27
«Как хорошо, что я увидела Тоню!..»	28
«Одна только правда легка и правдива...»	29
«Там, за лугом, там, за темным лесом...»	30
«Под потоком атомов шелковицы...»	32
«Не предавайся отчаянью...»	33
«Я ходила на свиданье к птицам...»	34

Один день	35
«Всё вовремя и к месту, просто кстати...»	36
«Чуть красный, желтоватый, лиловатый...»	37
«Есть приметы Иерусалима...»	38
Ночной автобус	39
«Представь, мы ночью с тобой в пустыне...»	40
«Ты мне нужен для чего-то такого...»	41
«Как страус, спрятать голову в подушку...»	42
«Светятся стрелки конкретных минут...»	43
«Белые облака над вечерним морем...»	44
«Я посередине ришонского парка...»	46
«Так жарко, что клубится пар. Так тихо...»	47
«В такую погоду — стихи ли писать?...»	48
«Я зеленью займусь...»	49
«Стрелой, направленной из лука...»	50
«Я даже не знала, что рай — он в лесу...»	51
«Моя крепость лесная...»	52
«Когда спадет жара, я к Вам приеду...»	53
«Сначала казалось: у берега птицы...»	54
«I AM TRAVELING LIGHT»	
«Вы когда-нибудь пили...»	56
«В моей, в твоей, и в их груди...»	58
«Жизнь клоуна, творца, артиста...»	59
«Всем, кто кивает в такт ритмам Вселенной...»	60
«Нет-нет, нет-нет, нет-нет, нет-нет...»	61
«Скрепляет тайна. И держит еще сильнее...»	62
«Далеко до зеленой Европы...»	63

«Объятия основа...»	64
«Я иду то прямо, то по кругу...»	65
Ветреный день	66
«В сплетенье водорослей, веток...»	67
«Пока что Музыка господствует. Зеленым...»	68
«Я что-то сделала не так...»	69
«Сначала смотрела рисунки Кокто...»	70
«Не думаю, что ты спокоен...»	71
ДЕСЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ Л. А.	
Письмо	72
«Я думаю о тебе...»	73
«Горька и тепла моя песня...»	74
«Но время привязывает, не лечит!..»	75
Путешествие во сне	76
«Расскажи мне, рассказчик роскошный...»	77
«Я всё сказала, даже попрощалась...»	78
«Отпусти, отпусти поскорее на волю...»	79
«Опять я с тобой прощаюсь...»	80
«День за днем — неумная дел череда...»	81
ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ СЫНУ	
«Я знаю, что в конце смогу...»	82
«Я напишу стихи и спрячу...»	84